

УДК 94(571.53)

Из опыта работы в серии «Полярная звезда»

Н. П. Матханова

Институт истории СО РАН, г. Новосибирск

Статья посвящена истории работы автора над составлением и комментированием тома материалов декабриста А. В. Поджио в документальной серии «Полярная звезда», ее взаимоотношений с членами редколлегии С. В. Житомирской, С. Ф. Ковалем, Н. Я. Эйдельманом и др.

Ключевые слова: декабристы, документальные материалы, источниковедение, археография.

Этот маленький мемуарный очерк появился в ответ на предложение П. В. Ильина поделиться воспоминаниями о работе над подготовкой тома «Записки и письма» А. В. Поджио в серии «Полярная звезда». Сначала оно показалось мне неожиданным и преждевременным – вроде бы еще рано, но потом поняла, что пора. И дело, разумеется, не в том скромном опыте, который все же может оказаться кому-то полезным. Главная цель моего очерка – напомнить о людях, которым обязаны многим не только мы – те, кому повезло встретиться и общаться с ними, учиться у них. Но обязаны и те, кто не имел этой счастливой возможности, но пользуется плодами их труда, причем не только написанным и опубликованным ими самими, но и написанным и опубликованным благодаря их инициативе, организационным усилиям, опеке и защите.

Прежде чем перейти к освещению этих сюжетов, скажу два слова о серьезной научной проблеме – истории серии «Полярная звезда» как историографической проблеме.

Историография декабризма советского периода вообще почти не существует, во всяком случае, как самостоятельная тема. Есть лишь общие обзоры в диссертациях и монографиях, посвященных отдельным конкретным сюжетам, причем в лучшем случае как степень изученности темы, но не как история исторической мысли. И чаще всего о работах советских лет говорится с удивительным для историков, а тем более историков общественного движения и общественной мысли отсутствием исторического подхода, учета условий и прочих азбучных обстоятельств. О серии же если и упоминается, то лишь о ее значении для расширения круга источников и – гораздо реже – их публикации на более высоком уровне. Между тем значение ее гораздо серьезнее. Само существование серии оказало влияние на развитие исторических исследований; вступительные статьи в ряде случаев представляют собой важный вклад в науку; огромную роль сыграла она в источниковедческой,

археографической, эдиционной области. Об этом прекрасно написали С. О. Шмидт в статье о декабристах (Декабристы в представлениях людей рубежа XX и XXI столетий // Шмидт С. О. Общественное самосознание российского благородного сословия: XVII – первая треть XIX века. М., 2002) и П. В. Ильин в рецензии на возобновление серии (Возобновление документальной серии «Полярная звезда» (Муравьев А. М. Записки и письма. Иркутск, 1999) // 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. Вып. VI. СПб., 2004).

Но не создана до сих пор история самой серии – ее возникновения в 1979 г., продолжения, возобновления в 1999 г., связанных с этим научных и человеческих проблемах, победах и неудачах, уроках и опыте. К сожалению, кажется, не весь архив серии находится в должном состоянии. А ведь сам факт академической – не по статусу, а по качеству – публикации источников в провинциальном ненаучном издательстве – это не просто уникальный, а невозможный по всем нормативам факт! Будущему исследователю предстоит изучить архивы Госкомиздата, Управления по делам архивов, Восточно-Сибирского книжного издательства, Государственного архива Иркутской области, личных архивов М. В. Нечкиной, С. В. Житомирской, С. Ф. Ковалья, М. Д. Сергеева, Е. А. Ячменева. Может быть, что-то сумеют и захотят рассказать А. В. Глюк и А. С. Лысенко, С. В. и М. П. Мироненко, Г. Г. Лисицына и Т. А. Перцева и др. Но кто-то должен заняться собиранием всех этих устных и письменных свидетельств, а затем и обобщить собранный материал. Помоему, прекрасная тема для кандидатской диссертации!

А теперь несколько слов о моем скромном – действительно скромном – участии.

Начну с предыстории. В аспирантуре в Институте истории СО РАН под руководством М. М. Громыко, тогда с увлечением работавшей над изучением сибирского окружения Ф. М. Достоевского, я заканчивала диссертацию. Первоначально тема была сформулирована очень широко: сибирские ученики и воспитанники декабристов, затем она сузилась до истории обнаруженного мною «Общества “зеленых полей”» или, как мы скромно назвали его, «кружка братьев Белоголовых». Естественно, одним из источников, хотя и не основным, были воспоминания Н. А. Белоголового о декабристах и – особо – об А. В. Поджио, а также их переписка, хотя она и выходила за хронологические рамки моей работы. Поскольку тема была близка к декабристским, я бывала на многочисленных тогда декабристских конференциях. Возвращаясь с одной из таких конференций, в вагоне читинского поезда со мной заговорил уже немного знакомый лично, а не только по работам С. Ф. Коваль. Меня сразу удивило его очень доброжелательное отношение. Дело в том, что в Новосибирске ходили легенды о его вспыльчивости, резкости и неуступчивости, которые запомнились и М. М. Громыко, и Н. Н. Покровскому, и Л. М. Горюшкину по опыту совместной работы над многотомной «Историей Сибири». При этом все они отзывались о нем с глубоким уважением, но меня даже специально предупреждали, отправляя на первую «выездную» конференцию: не пугайся, не обижайся и т. д. Но опасения не оправдались ни на конферен-

ции, ни после. Так вот, в коридоре вагона Семен Федорович и спросил: какие у меня планы на будущее и не хочу ли я принять участие в серии, взявшись за подготовку какого-либо тома. Теперь я понимаю, что он прекрасно знал, о каком именно томе может идти речь, но из педагогических соображений предоставил мне самой сформулировать очевидный ответ. Разумеется, я сказала, что польщена предложением, что после защиты, если будет возможность, займусь томом А. В. Поджио, что и произошло еще за год до защиты, в 1978 г.

Поскольку я заканчивала не университет, а пединститут, я отдавала себе отчет в недостаточности моей подготовки для столь ответственного и специфического труда, тем более что после отъезда в Москву М. М. Громыко завершающий этап моей работы над диссертацией проходил в только что выделенной в составе сектора истории дооктябрьского периода лаборатории археографии и источниковедения во главе с Н. Н. Покровским, благодаря чему я поняла необходимость специального изучения текстологии и археографии. И я приняла не легкое и не очень красивое с этической точки зрения решение – проситься под ответственное редактирование не к С. Ф. Ковалю, а к С. В. Житомирской, известному не только историку, но и текстологу и археографу. Не знаю, как отнесся Семен Федорович к такому «предательству», – ведь он, наверное, рассчитывал, что сибирячка будет работать под руководством главы сибирской части редколлегии. Надо иметь в виду имевшуюся у него ревность к московской части редколлегии и стремление соблюдать баланс. Если Коваль и обиделся на меня, то никак ни тогда, ни позже не дал мне этого понять. К Сарре Владимировне я обратилась через посредничество С. В. Мироненко, с которым тоже познакомилась и позже встречалась на декабристских конференциях. Боюсь, что она не вполне представляла себе весь объем педагогической работы, которую ей предстояло проделать, когда давала согласие, хотя я честно предупредила обо всех моих пробелах, в том числе и главном – незнании французского языка. Ничто ее не смутило, и мы взялись за дело. Итак, первый урок – конференции очень полезны, и не только для знакомства с мыслями и наблюдениями других специалистов.

Работа над томом шла довольно долго – почти 10 лет. Почему так долго? Сейчас стало привычным жаловаться на нынешние трудные времена. Как будто были легкие! Во-первых, я работала. Причем после восьмимесячной безработицы пришлось пойти на кафедру научного коммунизма. Парадоксально, но ученицу опальной «подписантки» Громыко взяли только туда. М. М. Громыко в числе ряда ученых СО АН СССР и НГУ в 1968 г. подписала письмо протеста в связи с арестом А. Д. Синявского и Ю. Даниэля, после чего ее лишили права преподавания, сняли с заведования созданным ею сектором в Институте истории и т. д. Кстати, еще один парадокс, который мне непонятен и поныне, – в течение всех 10 лет работы меня не заставляли вступать в партию! Но в план работы этой кафедры с большим трудом удавалось вставлять мои статьи по истории XIX века, но никак не том Поджио! Хотя руководство и кафедры, и вуза, возглавлявшегося человеком широких и весьма либеральных взглядов Г. П. Лыщинским, прекрасно знало, чем я занимаюсь, и поддерживало меня. Во-вторых, серьезной проблемой была труд-

ность прочтения невозможного почерка Поджио. И если при подготовке к публикации его «Записок» – впервые по обнаруженному мною в фонде Белоголового автографу, а не по отредактированной копии, как это делалось в предыдущих изданиях, только один раз пришлось вставить сакраментальное «далее одно слово не удалось разобрать», то с письмами Поджио дело обстояло гораздо хуже. Не зря С. Г. Волконский писал ему: «получил, любезный друг, твое письмо, другую неделю разбираю, еще не все прочел». Правда, у самого Волконского почерк был еще хуже. И в публикации писем «нрзб.» появлялось чаще. Но зато после Поджио я могу смело сказать: конечно, есть нечитаемые по причине почерка тексты, но их не так много. Второй урок: этого проклятия не миновать! Главное, не спешить сдаваться. Сейчас сканирование и цифровые копии дают иные возможности, но все равно – нрзб. неизбежно. Отдельная проблема – французский текст. Почерк Поджио на французском был еще хуже! Француженка, преподавательница Новосибирского университета Мишель Дебрэн, защитившая недавно докторскую на материалах источников личного происхождения, написанных русскими аристократами на французском языке, ответила мне тогда: вы уверены, что это французский? По-моему, нет. Даже С. В. Житомирская не могла прочитать – не только потому, что при ее занятости обременять ее еще и этим было бы сверхнагло. Она-то как раз взялась, но сдалась. Мне сказочно повезло: мне рекомендовали очень тогда молодую Неониллу Дмитриевну Голубятникову. К сожалению, я потеряла ее следы после ее погружения в церковную жизнь. Она перевела так, что И. В. Порох, рецензент по тому, сделал нам замечание: слишком буквально передан в русском переводе неправильный французский язык Поджио. Сарра Владимировна сказала, что таким комплиментом Нила может гордиться. А я извлекла еще один урок (правда, позже вычитала его в «Текстологии» Д. С. Лихачева) – археограф должен не стесняться своего незнания, спрашивать всех, уметь находить не только источники, но и людей, которые могут помочь в их изучении.

Параллельно шла работа над комментарием, иногда она помогала в прочтении – или, как теперь все чаще говорит в подобных случаях академик Н. Н. Покровский, – в дешифровке рукописей. Чего только не пришлось прочитать и перечитать – от истории Парижской коммуны до родословий европейских дворянских родов. Так широк был круг имен и реалий, встречавшихся в переписке. Самыми полезными оказались газеты и некрополи, а также архивные справки с характеристиками фондообразователей.

Еще одна трудность, с которой сталкиваются далеко не все публикаторы, но мне пришлось, – А. В. Поджио почти никогда не датировал свои письма. Сейчас я понимаю, что нельзя было ограничиваться коротким «датировано по содержанию», следовало подробно раскрыть основания для датировки, назвав те факты, упоминание которых давало хронологические привязки. Иногда это было сделано по настоянию А. В. Глюк, но далеко не всегда.

После всего сказанного, может быть, более понятно, почему вступительная статья оказалась сравнительно бедной, – просто все силы и все время ушли на прочтение и комментирование.

Дальше была работа с издательским редактором. С тех пор я очень хорошо знаю, что издательство – это редактор, и очень хорошо понимаю, что это значит – хороший редактор. К сожалению, сейчас это «уходящая натура». Счастье наше, что у нас есть Альбина Васильевна. Мы должны ее любить, ценить, холить и лелеять.

Затем был рецензент – И. В. Порох, работа по его замечаниям. Кроме него, весь том, т. е. не только вступительную статью, но и тексты, и комментарии, читали и С. Ф. Коваль, и Н. Я. Эйдельман. Мне тогда говорили: ну, Эйдельман-то вчитываться не будет. Но нет! Натан Яковлевич не то что вчитывался, он правил опечатки и фактические неточности в датах и именах в комментарии! Вступительную статью читала и обсуждала вся редколлегия – московская и иркутская части на отдельных заседаниях. После этого все еще раз правилось.

Что касается правки С. В. Житомирской, то она шла параллельно с моей работой над текстом. То есть по мере готовности ей посылались отдельные куски с комментариями, они возвращались с ее замечаниями, уточнениями, ответами на вопросы. Она не впервые увидела том, когда он был готов, она вела его с самого начала и до конца. Конечно, это была Сарра Владимировна – человек, перед которым можно только преклоняться. Но было еще одно привходящее обстоятельство. К этому времени я довольно активно сотрудничала с Н. Н. Покровским и его лабораторией, а потом сектором. И конечно, отношение ко мне и С. В. Житомирской, и Н. Я. Эйдельмана было в значительной мере обусловлено их отношением к Н. Н. Покровскому и М. М. Громыко – это были друзья, единомышленники и соратники.

Не оставлял меня своими заботами и С. Ф. Коваль. Из иркутского архива по его рекомендации мне высылали микрофильмы хранившихся там дел. Он отвечал на все мои вопросы, иногда специально проводя исследовательскую работу в поисках ответов. Он ввел меня к А. А. Брегман и В. П. Павловой – замечательным ленинградским архивистам, которые помогали не только советами, сведениями и т. д., но и связями. К Г. Г. Лисицыной (тогда зам. директора ЦГИА СССР) я пришла от В. П. Павловой и поэтому все, что можно было получить в архиве, мне выдавалось без мелких придирок и проволочек, столь часто сейчас встречающихся в архивах. Но главное, все они – и Семен Федорович, и Александра Александровна, и Валентина Прокофьевна, подсаживали, щедро делились бесценными обширнейшими знаниями о декабристах, их родственниках и знакомых – теми знаниями, которые так трудно получить в стандартных справочных изданиях.

А теперь вернусь к тому, с чего начала. Конечно, мой опыт, как всякий личный опыт, уникален. Дело не во мне. А. А. Брегман и В. П. Павлова рассказывали, как помогал им С. Ф. Коваль, как защищал Валентину Прокофьевну в конфликте с М. В. Нечкиной из-за расхождений в оценке действий С. П. Трубецкого. Была создана система взаимопомощи. Как известно, у декабристов была цепь союзников, но и декабристоведа помогали друг другу – быть может, научившись этому у своих героев. С радостью должна заметить,

что эта прекрасная традиция, заложенная нашими учителями, во многом сохранилась.

Сохранилась – и это самое главное, самое важное – и сама серия. Последние тома ее, изданные уже Иркутским историко-мемориальным музеем декабристов, достойно ее продолжают. Важную роль играют усилия Т. А. Перцевой и А. В. Глюк, а также руководства кафедры истории России Иркутского университета и нового руководства музея. И хотя редколлегия не раз уже обновлялась, мы стараемся соответствовать тем высоким критериям, которые задали основатели.

Work Experience in the Journal "Polar Star"

N. P. Matkhanova

Institute of History of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk

The article deals with the author's work experience in compiling and commenting the materials of the Decembrist A. V. Podgio in the documentary "Polar Star", as well as it shows the relationship between author and editorial board staff S. V. Zhitomirskiy, S. F. Koval, N. Ya. Eidelman and others.

Матханова Наталья Петровна – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории СО РАН, г. Новосибирск-906, ул. Николаева, 8, тел. 8(383)3303671, e-mail: nmatkhanova@mail.ru

Matkhanova Natalia Petrovna – Doctor of Historical Sciences, Professor, Senior Researcher of the Institute of History of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk-906, Nikolayev St., 8, phone 8(383)3303671, e-mail: nmatkhanova@mail.ru